

DOI: [10.14515/monitoring.2022.1.1795](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1795)

И. Ю. Кисленко

ЮЖНАЯ ТЕОРИЯ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЗАПАДНОГО КАНОНА?

Правильная ссылка на статью:

Кисленко И. Ю. Южная теория: существует ли социология за пределами западного канона? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 226—244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1795>.

For citation:

Kislenko I. Y. (2022) Southern Theory: Does Sociology Exist Outside the Western Canon? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 226–244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1795>. (In Russ.)

ЮЖНАЯ ТЕОРИЯ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЗАПАДНОГО КАНОНА?

*КИСЛЕНКО Иван Юрьевич — стажер-исследователь, Центр фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ivankislenko1994@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8884-8609>*

Аннотация. Эта работа ставит своей целью познакомить читателя с южной теорией в социологии — идеей, представленной австралийским социологом Р. Коннелл и развитой в ряде последующих публикаций. Возникнув на глобальном Севере, социология долгое время основывалась на позициях северного универсализма, утверждавшего наличие «одной социологии для одного мира». С течением времени социологический дискурс глобального Юга расширился и начал предъявлять свои права на автономное воспроизводство социологических практик в оппозиции «северной теории». В работе рассмотрена проблема признания южной теории, с которой неизбежно сталкиваются все идеи, которые можно отождествить с заявленным понятием. В публикациях часто поднимается вопрос о том, каким образом могут быть оценены идеологические оппоненты Севера — южные теории. Эта проблема анализируется сквозь призму вопросов о признании научной деятельности. Текст статьи включает обзор как тех работ, которые в качестве «южных» промаркированы Р. Коннелл, так и других, которые сами позиционируют себя в этом направлении. В статье предложено ознакомиться с основными ходами,

SOUTHERN THEORY: DOES SOCIOLOGY EXIST OUTSIDE THE WESTERN CANON?

*Ivan Yu. KISLENKO¹ — Research Assistant, Center for Fundamental Sociology
E-MAIL: ivankislenko1994@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8884-8609>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This work is intended to familiarize the reader with the southern theory in sociology, the idea presented by Australian sociologist Raewyn Connell and developed in a number of publications. Having emerged in the global North, sociology for a long time was based on the positions of northern universalism, which asserted the existence of “one sociology for one world”. During the time, the sociological discourse of the global South expanded and began to act, claiming the autonomous reproduction of sociological practices in opposition to the “northern theory”. The paper also examines the problem of recognition of the southern theory, which inevitably emerges with all ideas that can be identified with the declared concept. Publications often research the issue of how the ideological opponent of the North — southern theories — could be assessed. This problem is considered in the text through the prism of issues of recognition of scientific activity. The text of the article consists of an overview of those works that Connell herself labels as southern and those publications that fall under this label themselves. With the help of the moves used in the southern theory, the paper offers to analyze a number of texts, which construct the program of the declared idea. This article also provides

использующимися в южной теории, а также с рядом авторов, выстраивающих программу заявленной идеи. Кроме того, приводится критический анализ свойственных южной теории характеристик. Выделяются три пункта для критики: обида на социологический Север, монополизация права на критику северного универсализма и слабое обоснование влияния колониально-имперских устремлений европейских стран на формирование социологии как науки.

Ключевые слова: южная теория, глобальная социология, эпистемологии Юга, глобальный Юг, subaltern (субалтерн) studies, деколонизация социологии

a critical analysis of the key characteristics of southern theory. Three points for criticism are defined: resentment against the sociological North, monopolization of the right to criticism of the northern universalism, and the dubious validity of the influence of the colonial-imperial aspirations of the countries, where sociology was formed as a science.

Keywords: southern theory, global sociology, epistemologies of the South, global South, subaltern studies, decolonizing sociology

Введение. Социологический канон и северная теория

Большинство социологов согласятся с утверждением, что социология как наука родилась на глобальном Севере, а процесс ее институционализации как научной дисциплины был запущен в Европе и США. Традиционно считается, что основные принципы социологической науки были заложены во времена Э. Дюркгейма и М. Вебера — в первую очередь ими самими. Тем не менее находятся и те, кто ставит под сомнение факт евроамериканского происхождения дисциплины или утверждают, что такое положение вещей обусловлено систематическим игнорированием незападного дискурса. Это означает, что социологическому сообществу предлагается обратить свой взор на глобальный Юг, принять во внимание социологии постколониальных стран и даже признать их особенный статус.

Существует социологический глобальный Север, в котором сложилось консенсусное видение истории социологии, отстаивающее право на вековую социологическую классику. Ему противостоит глобальный Юг, который не желает мириться с существующим положением дел и претендует на свою собственную повестку, порой включающую довольно радикальные проекты. В самом простом виде двум этим лагерям атрибутируются понятия северной и южной теории [Connell, 2006, 2007a, 2007b; De Souza Santos, 2007, 2015, 2018].

Эта работа носит обзорный характер и ставит целью познакомить читателя с южной теорией или точнее — с южными теориями. Здесь кроется важное различие. Термином, используемым в единственном числе, можно обозначить некий альтернативный северному способ социологического теоретизирования. Он пропускает через призму южной перспективы традиционные для социологии направления исследований — неравенство, образование, религию, науку и другие.

Это возможность посмотреть на известные исследовательские проблемы со стороны глобального Юга, взгляд которого отличается от северного понимания этих вопросов. Термин во множественном числе будет означать совокупность идей, пришедших в социологию из южного дискурса.

Текст работы состоит из нескольких частей. Сначала предлагается рассмотреть проблемы, связанные с оформлением классического социологического канона. Здесь южная теория апеллирует к колониальному контексту формирования дисциплины. Затем будет затронут вопрос признания легитимности «южных идей» со стороны социологического сообщества. Кроме того, будут приведены основные примеры деятельности южных социологов из традиционно «несоциологических» регионов. Статья завершается анализом типичных пунктов критики, которые возникают в качестве ответа на большие теоретические притязания южной социологии.

Прежде чем касаться обзора разнообразных вариаций южных теорий, следует обратиться к вопросу формирования социологического канона. Здесь существует два взаимосвязанных сюжета. Первый относится к критике формирования пула авторов, которых традиционно считают классиками в университетах по всему миру. Аргументация этой критики опирается на выявление колониально-империалистического контекста генезиса классической социологии. Подобный подход активно развивается австралийским социологом Р. Коннелл¹, чьи идеи положены в основу этого текста [Connell, 1997, 2007a]. Автор получила известность в социологическом мире главным образом благодаря своим работам в области гендерной социологии [Connell, 2005, 2013]. Тем не менее, она также пользуется популярностью как автор южной теории [Connell, 2007a]. По этой причине, многие подходы, изложенные ниже, тесно переплетены с заявленной темой, а некоторые напрямую отсылают к примерам из ее книги «Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science» [Connell, 2007a].

Второй сюжет связан с похожим ходом, но основанным на критике игнорирования незападного (несеверного) дискурса в вопросе оформления социологической классики [Alatas, 2014; Alatas, 1979]. Авторы чаще апеллируют к тому обстоятельству, что европейский контекст оформления дисциплины был во многом незаслуженно возвышен и следует иметь в виду другие части света, а также учитывать их заинтересованность в развитии вопросов социологического характера. Эта линия критики станет довольно устойчивой, фигурируя в современных дискуссиях. Она оказывается одним из главных сюжетов глобальной социологии.

Слово «южный» применительно к канону, к теории и в целом к социологии имеет дополнительные коннотации за пределами географического, экономического и даже эпистемологического понимания. Среди прочих, наиболее широкой трактовкой будет следующая: «термин „южный“ используется не для того, чтобы именовать ограниченное количество государств или обществ, а для того, чтобы подчеркнуть отношения — власти, исключения, гегемонии <...> между интеллектуалами и институтами в метрополиях и на периферии мира» [Connell, 2007a: VIII—IX].

¹ Англоязычное написание: Raewyn Connell или R. W. Connell. Некоторые ранние работы подписаны Robert Connell.

Центральная идея заключается в том, что и классическое, и современное состояние социологии оформилось не только усилиями северян, но и во многом благодаря Югу. Здесь особую роль играет тот факт, что социология появилась именно в странах, воспроизводивших колониальную политику по всему миру: «Идеи свободы, прав и независимости были неоднократно планомерно и жестоко ограничены действиями североатлантических государств по всему миру в отношении колонизированных» (цит. работы Р. Гуа [Guha, 1989] по [Connell, 2007a: 16]). Апофеозом подобной политики стала Берлинская конференция 1884—1885 гг., вошедшая в историю как «драка за Африку»².

Отдельная тема для рассмотрения — канон социологической науки и процесс его оформления. Очевидно, что он был разным, меняется до сих пор и, по всей видимости, еще не раз будет пересмотрен. Например, Л. Уорд в конце XIX века в книге «Dynamic Sociology» упоминает список людей, которые могут считаться внесшими вклад в развитие социологии (цит. работы Л. Уорда [Ward, 1897] по [Connell, 2007a]). В этом списке отсутствуют такие люди как К. Маркс и М. Вебер. Если отсутствие последнего можно списать на то, что на момент написания работы Л. Уорда некоторые труды М. Вебера еще не были опубликованы, то невключение К. Маркса лишь подтверждает факт изменчивости канона. Это демонстрирует, что социологи на раннем этапе развития дисциплины не имели такого же четкого представления о своих корнях как сейчас: «Ф. Гиддингс [1896] <...> опубликовал „Принципы социологии“ и назвал отцом-основателем дисциплины А. Смита. В. Бранфорд [1904] рассказывает об „основателях социологии“, называя центральной фигурой — Кондорсе» [Connell, 2007a: 4]. В классической монографии Р. Парка и Э. Берджесса «Введение в науку социологию» отсутствуют К. Маркс и В. Парето, а М. Вебер представлен единственной работой [там же: 5].

Тем не менее в самом общем виде определить канон можно — по крайней мере, на данный момент времени. Р. Коннелл в ранних работах очерчивает круг классиков, состоящих из «отцов-основателей» — М. Вебера, К. Маркса и Э. Дюркгейма. Более 20 лет спустя она также уверенно констатирует: «Канонизация этого трио была произведена между 30-ми и 60-ми годами XX века в США» [Connell, 2019: 353]. Она отмечает, что чаще всего к ним добавляются О. Конт, Г. Спенсер и Г. Зиммель, а также факультативные авторы, «члены второй команды» — Ф. Теннис, Ф. Энгельс, В. Парето, У. Самнер, Ч. Кули и Дж. Г. Мид [Connell, 1997: 1511]. Вопросы, связанные с критикой классического канона социологии, Р. Коннелл начинает поднимать уже в конце XX века. Примерно с того же времени появляются идеи, отсылающие к «империалистским корням» социальной науки, в основе которых лежит колониальное прошлое многих стран, где социология оформилась как академическая дисциплина [там же].

Другой момент касается языкового разнообразия. В настоящее время общепризнанный язык социологии — английский³. Тем не менее многие классические

² Наиболее жестокое последствие этой конференции — колониальное присутствие в регионе Бельгии. Колонисты вели де-факто политику расовой сегрегации и повсеместного насилия над коренным населением. Западный мир об этом узнает из публикаций прогрессивных журналистов, одним из которых был Роберт Парк — в будущем одна из ключевых фигур Чикагской школы социологии [Connell, 2007a].

³ Более подробно вопрос о вариативности социологических практик в разных частях света, включая проблему теоретизирования на национальном языке можно обнаружить в дискуссии, развернувшейся между М. Буравым и П. Штомпкой [Burawoy, 2011; Sztompka, 2011].

работы написаны на немецком и французском языках. Работа по переводу на английский и формированию корпуса классических текстов велась активным образом между 30-ми и 50-ми годами XX века, что не в последнюю очередь совпадает с оформлением «иконостаса» западных классиков [Connell, 2007a]. Любопытный момент этого конструирования и «канонизации» заключается в том, что наследующие классикам авторы сыграли существенную роль в данном процессе. Работы по схожим темам неизбежно привлекали дополнительное внимание аудитории к более ранним персонам, которые, конечно, были известны и до этого.

Наиболее заметные изменения связаны с фигурой К. Маркса, который первоначально, в момент оформления канона, не вошел в список отцов-основателей. Такое положение изменилось с радикализацией студентов в метрополиях по всему миру в 1960-х годах вместе с развитием полноценного общесоциологического кризиса. Например, идеи «радикальной социологии», основывались на трудах самого К. Маркса и разного рода его последователей [там же]. С этого момента игнорировать фигуру немецкого автора в контексте нарастающего количества протестов по всему миру стало сложно. Профессиональная социология начинает включать в свои учебные курсы подобные идеи, чтобы не отставать от течения времени. К 1970-м годам «миф о социологической троице» — М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс — полностью сформируется и будет закреплен последующими авторами [там же]. Р. Коннелл коротко резюмирует свою идею: «Классический канон в социологии был создан, главным образом, в Соединенных Штатах, как часть усилий по восстановлению дисциплины после краха первого европейско-американского проекта социологии» [там же: 24]. Северная теория повторяет те контуры социологии, которые мы знаем и которые раз за разом воспроизводятся в преподавании и исследованиях на глобальном Севере. Набор заявленных отцов-основателей соответствует конвенциональному убеждению северных социологов о том, что социология — это их «изобретение». Южная теория противостоит таким устремлениям и прямо указывает на то, что игнорирование других частей света самым пагубным образом сказалось и все еще сказывается на многообразии идей в социологии⁴ [Connell, 1997; Alatas, Sinha, 2017; Alatas, 2014].

Вопрос признания

Между Севером и Югом существует еще один момент, который создает дополнительное напряжение в дискуссии. Речь идет о вопросе признания южных идей как соответствующих основным принципам социологии. В публикациях подобный вопрос поднимался неоднократно, хотя и в несколько другом контексте: «Признание со стороны коллег есть базовая форма внешнего вознаграждения в науке, все прочие внешние награды, такие как денежный доход от научной деятельности, продвижение к вершинам научной иерархии и расширение доступа к человеческому и материальному научному капиталу, являются производными от нее» (цит. высказывание Р. Метрона [1993: 271] по [Губа, 2015: 135])

Социологи глобального Юга в неравном противостоянии с «северянами» борются, в первую очередь, за признание западноцентричности социологии, их вклада

⁴ Подробно идею об ибн Халдуне (1332—1406) как о человеке, который первым начал интересоваться вопросами, связанными с социологией, активно развивают С. Ф. Алатас и В. Синха [Alatas, Sinha, 2017].

в науку, их права на национальные социологии и коренные (*indigenous*) концепты [Amin, 1989; Akiwowo, 1999; Patel, 2020]. Именно признание сталкивает условный «Север» и «Юг» на поле битвы: «Социология — это боевое искусство⁵, а не интеллектуальный инструмент для избранных. Социология нужна людям, чтобы осознать растущее неравенство и давать отпор <...>» [Carles, 2007].

Другим важным моментом выступает борьба за ресурсы. Признания невозможно добиться без этого элемента. В условиях противоборства двух разных точек зрения на первый план выходят именно ресурсы — контроль журналов, институциональных механизмов, контроль права на проведение и определение темы различного рода конференций, форумов и конгрессов и самой социологической повестки.

В подобном контексте особый интерес представляют идеи П. Бурдьё⁶ в области социологии науки и производства социологического знания. Так, он декларирует, что к «научным революциям способны лишь те, кому не удалось пройти нормальную научную социализацию»⁷. «Научная социализация» — это именно то, к чему стремятся социологи, чьи южные идеи так усердно критикуются сторонниками северного универсализма. В таком специфичном поле как наука, довольно обыденным считается положение дел, когда держатели научного порядка, используя свое положение, стремятся навязать этот самый порядок своим конкурентам⁸.

Французский социолог представляет структуру научного поля как то, что «определяется в каждый данный момент состоянием соотношения сил между участниками борьбы, агентами или институциями, то есть структурой распределения специфического капитала как результата предшествующей борьбы, который объективирован в институциях и диспозициях и который регулирует стратегии и объективные шансы различных агентов или институций в борьбе нынешней»⁹. Социология как наука сформировалась в лоне европейской культуры, и борьба между «позициями» заключалась в противоборстве различных идей ее амбассадоров. Не имея полноценной возможности участвовать в этой борьбе, социологи глобального Юга вступили в нее по историческим меркам относительно недавно: «Юг бросает перчатку Северу, требуя признать специальные интересы, лежащие вне нашего универсализма» [Буравой, 2009: 14]. Современное состояние дисциплины сформировалось именно как результат предшествующих диспозиций, где в ее институционализации роль южан минимальна и именно Север устанавливал правила игры. В результате такого исторического нюанса одни получили право «легитимно [то есть полномочно и авторитетно] говорить и действовать от имени науки», а другие «лишь периодически посягают на эту монополию»¹⁰.

Учитывая заявленный контекст, важно рассмотреть вопрос о праве на открытие. П. Бурдьё пишет об этом в контексте любого рядового акта изобретения:

⁵ «*Sociology as a Martial Art*» — документальный фильм о французском социологе Пьере Бурдьё, снятый режиссером Пьером Карлесом [Carles, 2007]. Позже М. Буравой обыгрывает это название в своей статье «*Sociology as a Combat Sport*» [Burawoy, 2014].

⁶ М. Буравой называет его главным публичным социологом позднего XX века [Буравой, 2009].

⁷ Бурдьё П. Поле науки // Bourdieu.name. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-nauki> (дата обращения: 24.02.2022).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

«Капитал авторитета, приобретаемый благодаря сделанному открытию, становится монополией того, кто сделал это открытие первым, или, по крайней мере, первым сообщил о нем и обеспечил его признание»¹¹. Этот самый акт открытия можно укрупнить в исторических масштабах и примерить на довольно длительный процесс создания социологической науки. Институционализация и оформление социологии произошло в евроамериканском контексте. Доминирующие социологические идеи предлагались европейцами и американцами с позиций универсальности социологического знания.

Первое упоминание самого понятия «социология» принадлежит европейцам, первые кафедры социологии появились в США и Европе. Таким образом, произошел тот самый акт открытия, способствующий монополии того, кто это открытие сделал. В данном случае это правило распространяется на все пространство науки и принципа универсализма: «Доминирующими становятся те, кому удалось навязать такое определение науки, согласно которому наиболее полноценное занятие наукой состоит в том, чтобы *иметь, быть и делать то, что они имеют, чем они являются, или что они делают* [курсив автора этой статьи]»¹². Любопытно, что, пытаясь развенчать миф о социологии как европейском изобретении, глобальный Юг указывает на отсутствие внимания к постколониальному миру в историческом разрезе, что заставляет авторов искать альтернативные версии возникновения социологии (см., например, [Alatas, 2014]).

П. Бурдьё очень точно отмечает, что только сами ученые, которых увлекает одна и та же «игра», играющие по определенным правилам, обладают ресурсами, чтобы оценить достоинства работы. При этом обращение к «внешнему» авторитету, безусловно являющееся центральной идеей в большинстве южных теорий, неизбежно ведет к компрометации в глазах самого авторитета и прослеживается в отношении сторонников универсализма по отношению к южанам¹³.

Все меняется, когда географическая и эпистемологическая привязка Север — Юг модифицируется, когда кто-то, обладающий ресурсами, авторитетом и тем самым правом легитимно действовать от имени науки, нарушает *status quo* и выступает на стороне тех, кто пытается эту монополию разрушить. Считается, что М. Буравой — наиболее известный пример такой рокировки. Он выступает фактически с позиций Юга и обладает всеми ресурсами, которые традиционно имеет социолог-северянин. Тем не менее история знает другие примеры. Речь идет о таких крупных фигурах как И. Валлерстайн и Р. Коннелл [Wallerstein, 1996; Connell, 2007a]. При этом Р. Коннелл сама себя охотно идентифицирует в качестве социолога глобального Юга несмотря на то, что Австралия обычно считается Севером.

Р. Коннелл заверяет читателя, что этот континент зачастую исключен из разделения Север — Юг. Если взглянуть на визуализацию этого деления — на линию Брандта на карте мира, то бросается в глаза тот факт, что она «петляет» для того, чтобы захватить в северный мир Австралию и Новую Зеландию. При этом позиция австралийского социолога чаще соответствует утверждению, что Австралия

¹¹ Бурдьё П. Поле науки // Bourdieu.name. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-nauki> (дата обращения: 24.02.2022).

¹² Там же.

¹³ Там же.

именно Юг, так как испытала на себе похожие механизмы, выделяемые в рамках неокOLONИализма и теории зависимого развития. Эта страна не самый типичный случай, но чаще всего в публикациях все же маркируется в качестве Севера. Такое положение оформилось благодаря периоду, когда Север и Юг определялись через экономические показатели [Brandt, Al-Hamad, Botero Montoya, 1980]. Очевидно, в этой плоскости Австралия опережает Юг по многим факторам и конвенционально соответствует Северу. Такую позицию Р. Коннелл не принимает и четко определяет: я — южный социолог, Австралия — Юг.

Terra Australis Nondum Cognita¹⁴

Северная теория долгое время смотрела в сторону Юга с точки зрения поиска данных для своих исследований. Северный социолог, будучи «колонизатором в пробковом шлеме», периодически выбирался в экспедицию для сбора необходимой информации. Это способствовало развитию разнообразных методов эмпирического исследования. Можно считать, что уже хотя бы поэтому вклад Юга не может быть проигнорирован. Наиболее понятный классический пример — М. Мид и ее экспедиции в Полинезию.

Ключевым текстом южной теории как обоснования нового способа социологического теоретизирования стала одноименная книга Р. Коннелл [Connell, 2007a]. Это программный текст, декларирующий основные причины оформления дихотомии Север — Юг в социальной теории и принципы того, как следует вести дискуссию на эту тему. Многие ходы этой статьи напрямую отсылают к работе австралийского социолога. Естественно, что с момента декларации идеи прошло достаточное количество времени для появления других подходов, связанных с южной теорией. Эта часть текста есть некий сплав обзора южных идей из разных источников с вполне понятным доминированием идей Р. Коннелл.

«Моя „Южная Теория“ показывает скрытые геополитические предубеждения [assumptions] в северной социальной теории и рассматривает широкий спектр мощной социальной мысли из колониального и постколониального мира»: такой результат достигается благодаря представлению мало известных социологических идей из традиционно «несоциологических» регионов Африки, Азии и Южной Америки [Connell, 2014: 211]. Книга знакомит читателя с малоизвестными ранее идеями и именами, пришедшими со стороны глобального Юга. Такая работа предполагает определенную долю погружения в локальный социологический контекст, в состояние местной науки, знание истории и языков региона. Р. Коннелл отдает себе отчет о существующих ограничениях, встающих на ее пути. Поэтому ни о какой системности в представлении южных идей речи не идет. Напротив, заявленные для рассмотрения работы выбраны сугубо субъективно. Одни тексты появляются, потому что написаны на английском языке, другие — потому, что Р. Коннелл больше знакома с местным контекстом. Хорошей иллюстрацией последнего факта становится обращение автора к исламскому миру через иранских мыслителей и отказ от подобного хода в сторону арабских стран или Юго-

¹⁴ «Еще неизведанная южная земля» — термин времен эпохи Великих географических открытий. В широком смысле обозначал еще не открытые земли в Южном полушарии. Это также обозначение гипотетически существующего там материка. *Terra Australis* иногда используется как обозначение Австралии.

Восточной Азии, хотя именно там существует большой спектр работ, который релевантен полю южной теории.

Локальные идеи хорошо известны местным социологическим сообществам. У них могут быть свои собственные классики, практики ведения исследований и дискуссий, которые хорошо институционализированы и активно воспроизводятся местными социологами. Наиболее известный пример — африканский народ йоруба. Идея об исключительности их культуры красной нитью прошла через работы А. Акивово [Akiwowo, 1986, 1999] и П. Хоутонджи [Hountondji, 1983]. Они базируются на культурном бэкграунде региона, развивая концепцию, где особое место занимает возможность «другого взгляда» на социологию, обусловленное формированием мышления, основанного на мифах, поэзии и языке народа. Помимо *Yoruba studies*, то есть изучения йорубской культуры антропологами, культурологами и другими исследователями, существует также философия йоруба, основывающаяся на уникальности собственных традиций. Может показаться, что подобная идея носит довольно спорный характер, однако она отлично институционализирована: существуют специальные журналы, в нигерийских университетах преподаются учебные курсы, посвященные этой проблематике, есть ассоциация изучения йоруба, проводятся тематические конференции. Йорубская культура является важной частью академической жизни социальных наук в регионе Западной Африки (особенно в Нигерии и Бенине).

Пожалуй, Африка — это регион, наиболее недоступный в плане локальных социологических идей для международного академического сообщества. Основными причинами выступают низкая представленность местных авторов в интернациональном пространстве и малое количество работ на английском языке. Социологические сообщества Африки часто глубоко завязаны на малораспространенных языках, которых в регионе насчитывается огромное количество. Р. Коннелл открывает возможность изучить разнообразие африканских идей, основанных на философии йоруба и банту. На XX век в Африке приходится не только факт деколонизации континента, но и настоящий интеллектуальный ренессанс. Появляется огромное количество движений panafricanists-марксистов, сторонников негритюда, критикующих колониализм, не желающих мириться с неоколониализмом и призывающих обратить внимание на локальные традиции и культуру [Rodney, Davis, 2018; Fanon, 2007; Césaire, 2001; Nkrumah, 1965]

В контексте политики колониализма неизбежно возникает Новый Свет — одно из основных направлений для многих колониальных держав прошлого. По этой причине существуют работы, которые само употребление слова «Америка» рассматривают как достаточное основание полагать распространение европейского влияния на четвертый мир¹⁵ [Mignolo, 2009].

В южной теории важен вопрос зависимого развития. Долгое время подобные механизмы на себе испытывала Латинская Америка, где и появились наиболее влиятельные теоретики в этой области (например, [Cardoso, Faletto, 1979; Cardoso, 1977]). С целью уменьшения зависимости от западных товаров и диверсификации экспорта, в рамках доктрины Экономической комиссии ООН для Латинской Америки возникла идея «импортозамещающей индустриализации» [Connell, 2007a].

¹⁵ Автор понимает под этим термином коренные народы Америки, Австралии, Новой Зеландии и т. д.

Отдельного упоминания заслуживает группа ученых, которые провозгласили себя как *Subaltern Studies Group*. Ее участники занимаются исследованиями постколониальных вопросов в Южной Азии, откуда почти все они родом. В состав этого объединения входят, например, Р. Гуха, Г. Бхадра, Д. Арнольд и Г. Пракаш, известные периодической серией публикацией «*Writings on South Asian History and Society*»¹⁶ [Guha, 1989].

Фундаментальным трудом в рамках группы считается книга Д. Чакробарти о провинциализации Европы [Chakrobarty, 2000], где он утверждает, что Европа — это не просто географический термин, но также и место, где продуцируются академические стандарты и базовые принципы социальных наук. Провинциализация Европы заключается в том, чтобы «указать» этой части света на ее истинное положение среди других таких же равноправных в научном плане миров [там же]. Представители направления исходят из тезиса о конструировании «истории снизу», имея в виду историю не великих лидеров, а простых людей (*people's history*) [Zinn, Arnov, 2015].

Огромный потенциал в плане социологического теоретизирования скрывается не только в заявленных регионах, но и в месте, которое по праву считается одной из колыбелей цивилизации — на Востоке. На исторической прямой Восток долгое время был в авангарде точных наук. Имена известных восточных математиков и геометров известны далеко за пределами мест их рождения, чего нельзя сказать о социальных науках. По крайней мере, так можно заявить, если получать образование на глобальном Севере.

Р. Коннелл избирает для рассмотрения в качестве представителя восточного мира Иран — выбор совершенно неочевидный. Эта страна интересует ее в первую очередь в контексте Исламской революции. Тут возникает фигура А. Шариати, который пытался произвести синтез идей левого толка с шиизмом, распространенным в этом регионе, с целью построения общества на справедливых религиозных принципах и борьбы с разного рода угнетением [Shariati, 1979].

Еще одна интересная персона — радикальный критик евроцентризма Дж. Але-Ахмад. Он является автором известного радикального термина «вестоксикация» (*westoxication*): «Если мы хотим следовать за Западом, нацией должен руководить тот, кто легко ведом, неискренен, беспринципен, не имеет корней и не принадлежит этой земле» (цит. работа Дж. Але-Ахмада [Al-e Ahmad, 1982] по [Connell, 2007a: 121]). В связи со спецификой идей, повлиявших на Исламскую революцию, авторы высказываются весьма радикально. При том, что сама Р. Коннелл отмечает, что, например, в работе Дж. Але-Ахмада отсутствует какая-либо выстроенная аргументация, присутствует сбивчивость, неточность и фрагментарность в повествовании [Connell, 2007a].

Восток не мог быть исключен из дебатов международного характера и породил идею ориентализма. Следует воспользоваться интерпретацией Б. Тернера и определить, что ориентализм может быть рассмотрен как тип мышления, основанный на различении между «западным» (*occidental*) и восточным (*oriental*) [Turner, 1989: 630]. В общем виде ориентализм также может быть отождествлен с совокуп-

¹⁶ Здесь же появляется имя Гаятри Спивак, известной своей работой «*Can the Subaltern Speak?*» [Spivak, 1988]. Спивак считается одной из ключевых фигур в *postcolonial studies* в целом.

ностью западных образовательных учреждений, фокусирующиеся на изучении общества и культуры Востока. В широком смысле — это все, что так или иначе связано с Востоком [Said, 2006: 112].

Ключевыми работами в области ориентализма следует признать ряд публикаций, связанных с именем Э. Саида [Said, 1978, 2006]. Центральная идея, изложенная в одноименной книге во многом связана с вопросом различения понятий «east» и «oriental», отождествляемых с Востоком [Said, 1978]. Ориентализм претендует на некоторую интеллектуальную независимость, открыто критикует западные колониальные устремления и их апологию. «Восточное» (*oriental*) является сконструированным институционализированным западным атлантическим знанием, при этом «Восток — часть материальной цивилизации культуры Запада» [Said, 2006: 119]. Идеи, развитые рядом авторов в области постколониальных исследований, не касаются прямо вопросов южной теории в социологии, но не требуются сложных теоретических операций, чтобы перенести их тезисы на поле социологической науки.

Критические замечания к проекту южной теории

Южные теории — ярлык, который навешивается на подходы, рожденные в противовес идеям северного универсализма в социологии. Такие подходы никак не могут избавиться от родовой травмы — противопоставления Северу. Они с самого начала артикулируются «от противного», то есть выступают против уже существующего социологического порядка и вероятно не способны независимо существовать без болезненной связи с Севером.

Большой вопрос состоит в том, способны ли подобные теории предложить свою собственную позитивную повестку без наличия северного идеологического оппонента. Действительно, подобным идеям требуется постоянная апелляция к внешнему раздражителю, который выступает объектом для критики по самым разнообразным основаниям. Если представить, что в один момент южная теория останется без идеологического противника, то вся ее повестка в перспективе может сойти на нет.

Эта часть текста статьи предлагает читателю критически посмотреть на проект южной теории. Следует сконцентрироваться на рассмотрении трех главных аспектов: обида на социологический Север, монополия на контроль критического дискурса по отношению к северному универсализму, а также слабо концептуализированная идея о формировании социологического канона в колониальном контексте. Двигаясь от первого пункта к последнему, можно охватить весь континуум критических замечаний, предлагаемых к рассмотрению.

Обида на социологический Север является наиболее понятным аспектом для критики. При всех сложностях вопроса признания, описанных в одноименном разделе статьи, этот сюжет возникает повсеместно. Годы колониальной политики стран глобального Севера в южных регионах планеты не могли не повлиять на формирование негативного восприятия этого исторического этапа в коллективной памяти жителей южных территорий, что неизбежно переносится на все сферы жизни, и наука не становится исключением. Южные университеты долгое время следовали правилам, установленным метрополиями. Многие позиции в универ-

ситетских центрах Юга были с самого начала закреплены за колонистами. Даже лидирующее положение западных социологических центров, а также их научная деятельность теперь становятся предметом дискуссии с притязанием на реализацию альтернативных практик: «мы отправляемся в Беркли для повышения квалификации, приглашаем профессора Йельского университета, чтобы он выступил с докладом, преподаем по американским учебникам, изучаем теорию прямоком из Парижа и пытаемся опубликовать наши статьи в журнале *Nature* или *American Economic Review*» [Connell, 2017: 7]. Академическая обида на Север периодически появляется в публикациях, связанных с южной теорией, порой оборачиваясь радикальными суждениями об альтернативной истории социологии [Alatas, 2014].

В работах южан можно встретить идею о том, что если бы не колониальное доминирование европейских стран в прошлом, то социологии Юга *были бы такими же успешными* как северная социология. Это утверждение демонстрирует устремление не быть альтернативно-оригинальными, не предлагать свою собственную повестку, а показывает внутреннее желание найти некое оправдание своей социологической неукладности. Более точно раскрывает эту мысль И. Валлерстайн — известный сторонник социологического разнообразия. Он отмечает, что сила критиков евроцентризма в социологии не в том, чтобы обвинить оппонентов в своих неоконических проблемах, а в том, чтобы быть уникальными самими по себе [Wallerstein, 1996: 103]. Именно перспектива быть уникальной самой по себе оказывается крайней границей для южной теории. Сетования на колониальное прошлое лежат в русле лучших традиций северной социологии и лишь воспроизводят ее убеждения, которые по замыслу авторов идеи должны критиковаться южанами, а не имплицитно поддерживаться ими в публикациях. Такое положение дел неизбежно приводит к следующему критическому замечанию.

Серьезным препятствием для входа южной теории в общий социологический дом становится монополизация критической повестки, ориентированной на Север. Здесь следует обратиться к любопытному примеру, который красноречиво описывает проблему концентрации права на критику в одних руках. Очевидно, что северные или южные идеи совершенно необязательно географически локализованы на Севере или на Юге. Северные практики теоретизирования, будучи доминирующими, воспроизводятся повсеместно, включая крупные социологические центры южного полушария. Р. Коннелл называет подобное положение дел не иначе как «поистине впечатляющим», давая этим фактам эмоциональную оценку [Connell, 2007a: 140].

В своей книге Р. Коннелл приводит в пример работу по глобализационным процессам одного чилийского автора и обрушивается на него с критикой, обвиняя в том, что он ссылается на корпус текстов современного западного канона (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр, Р. Даррендорф), «использует статистику ООН в той же манере, как это делают европейцы» и пишет работу с точки зрения обобщенной западной культуры [там же]. Этот красноречивый пример показывает, что критика Севера — это абсолютная монополия южан и если выходец глобального Юга желает использовать северные способы теоретизирования, то он только в силу этого становится изгоем в южном дискурсе. Здесь южная теория вступает

в конфликт с самой собой. Если монополия Севера на производство знания навредила социологии Юга, то монополия на критику Севера со стороны южан никак не может быть оценена по-другому, так как это примеры одного порядка. Подобная монополизация не добавляет социологической силы идее, так как она фактически упирается ровно в ту же проблему, что и желает приписать своим оппонентам.

Еще один момент для критического разбора — колониально-империалистический статус стран, в которых оформилась социология как академическая дисциплина. Вопрос генезиса социологического канона и его связи с колониальным прошлым стран, оказавших влияние на его становление, является по меньшей мере спорным.

Так, Р. Коллинз выразил сомнение по поводу связи между империалистическими устремлениями стран, в которых социология зародилась, и формированием самой дисциплины. Отмечая, что такой ход может работать, например, для Британии, он не соглашается «примерить» его на Францию и особенно на Германию. Причина кроется в возвышении колониальных амбиций первой лишь после 1880-х годов и в малых заморских владениях второй в принципе [Collins, 1997]. Несмотря на очевидную колониальную историю Британии, ее сложно отнести к странам, где социология развивалась активнее прочих, — здесь на первое место выходят Франция и Германия. При этом раннее поколение французских интеллектуалов, вроде О. Конта и А. Сен-Симона, не попадает в период возвышения колониальных устремлений французской метрополии, что частично верно лишь для поколения Э. Дюркгейма [там же].

Р. Коллинз критично относится к представленным аргументам австралийского социолога: «Если отбросить риторический пафос, Коннелл никогда не отвечает на главный вопрос: почему классическая теория является классической?» [там же: 1558]. Американский социолог не находит ответа на этот вопрос, так как Р. Коннелл, по его мнению, лишь сводит всю проблему к осуждению, что возвращает нас к пункту о социологической обиде на Север. Аргументы о черпаниии данных и информации классиками на глобальном Юге разбиваются о простой факт: «Поколения основателей французских социологов писали гораздо больше о трансформации собственного общества, чем о разности европейской метрополии и колонизированного Другого» [там же: 1559]. Это же верно и для других стран, сыгравших важную роль в становлении социологии.

Греховное происхождение северной социологии в глазах южан не должно отменять предъявляемых любой науке стандартов качества. Сам по себе факт ее евроцентричности зачастую рассматривается в качестве недостаточного основания для критики. Если социологии как науке было суждено родиться в Европе и развиваться усилиями носителей европейской культуры при игнорировании других частей света, то это никак не влияет на ее качество. Положение «угнетенного» или «коренного» не дает никаких преимуществ социологу в плане признания его идей [Sztompka, 2011]. Такой статус не должен становиться ключевым в вопросе, важным должно быть лишь качество самих исследований [там же].

При этом сторонники северного универсализма указывают на то, что идеи южан могут приниматься социологическим сообществом при условии их соответствия самым общим принципам построения научного знания. Это подтверждается

литературой по вопросу, где тезис о первородном грехе социологии традиционно считается наиболее слабым [там же].

Заключение

Описать в удобоваримом виде разнообразие социологических идей Юга в отдельной статье практически невозможно. Можно представить избранные идеи, которые следует считать влиятельными. Это способствует возникновению представления, что, якобы, подобные задачи следует оставить местным социологическим сообществам или специалистам, имеющим возможность читать первоисточники на языке оригинала, погружаться в необходимый контекст. Тем не менее южная теория имеет довольно существенное влияние на социологов по всему миру. Это совершенно не удивительно — когда крупные теоретики отдают дань истории и ключевым фигурам социологий глобального Юга, то это не может не импонировать местным сообществам.

Южная теория в лице Р. Коннелл и других авторов заявила серьезную и амбициозную цель: «предложить новый путь для социальной теории, что поможет социальным наукам служить демократическим целям в мировом масштабе» [Pease, 2009: 84]. Тем не менее, нужно признать, что эта цель слишком абстрактна и не имеет никаких конкретных критериев, по которым можно было бы судить о ее успехе. В самом радикальном из прочтений южная теория может претендовать на замену теории северной. Такое видение следует считать довольно натянутым, поскольку даже самые радикальные южане выступают в первую очередь за мирное сосуществование и возможность реализовать социологические практики самостоятельно, используя собственные концепты для решения собственных проблем.

Критика такого положения дел концентрируется на том, что подобные концепты оказываются чаще всего языковыми эквивалентами уже существующих общепринятых социологических понятий и не несут в себе никакой новизны [Sztompka, 2011]. Тем не менее социологический Юг — это сюжет, построенный на «разнообразии» идей, а не на «единстве» социологического знания, предполагающего замену одного северного порядка на порядок южный. Текст статьи призывает посмотреть, в первую очередь, на изобилие идей в разных частях планеты и не стремится солидаризироваться с радикальным социологическим дискурсом, предполагающим чуть ли не альтернативную южную историю социологии.

Вместе с тем невозможно отрицать, что идея Р. Коннелл основана на огромном количестве исторических материалов, текстов ученых, изучении архивов, а также на базе активных обсуждений с самими южными социологами. Очевидно, чтобы разобраться в вопросе нужно иметь представление как о хорошо известных читателю линиях мысли, так и о традициях, известных лишь ограниченному кругу посвященных.

Р. Коннелл провела огромную работу по систематизации и представила идею, которая спровоцировала широкую и оправданную дискуссию в академических кругах. Несмотря на то, что ее имя именно в южной теории считается наиболее влиятельным, существуют и другие авторы, ставящие во главу угла схожие идеи.

Южная теория повлияла на социологический Север. Монолитное строение северной социологии начинает давать трещину под давлением южного дискурса.

В высоких кабинетах и на мероприятиях международного уровня самым серьезным образом обсуждается проблема евроцентризма социальных наук. Южная теория заглядывает за социологический горизонт — за альтернативный дискурс социальных наук. Ведущие социологи последнее время все чаще рефлексировать современную академическую конъюнктуру в социологии, задавая перспективу исследований в этом поле [Hanafi, 2020; Go, 2020; Patel, 2020; Bhambra et al., 2020].

Несмотря на восходящий тренд интереса к глобальному Югу в контексте современной социологической мысли, южная теория активно критикуется социологическим сообществом. Замечания фокусируются вокруг обиды на социологический Север и сетований на южную неуспешность. Кроме того, поднимается вопрос монополии на производство критики северного универсализма, а также сомнительности указания на колониальное происхождение социологии. Эта работа предлагает не только ознакомиться с южной теорией как таковой, но и приглашает к дискуссии о целесообразности реализации ее практик и перспективах самой идеи в будущем через критическую рефлексию ее некоторых положений.

Можно спорить о том, какая социология «правильная» — северная или южная, приводить аргументы за, против и обвинять южан в покушении на традиции, в радикализме и слабости позиции. Тем не менее сложно отрицать, что мы привыкли штудировать одни и те же тексты, одних и тех же авторов из вполне конкретных социологических регионов, при этом абсолютно ничего не зная о том, как дисциплина развивалась и развивается в других частях света. Даже оставив на время критику южной идеи, в сухом остатке этих рассуждений окажется факт, что в одном отдельно взятом направлении можно обнаружить широкий пласт свежего, малоизученного, и как минимум интересного материала. Из южной теории можно почерпнуть малоизвестные идеи, которые имеют большое влияние и изучаются в одном ряду с классическими работами. Южная теория интересна разнообразием взглядов, существующих в дисциплине. Любой историк социологии обнаружит в этой области ряд разнообразных и неожиданных примеров. Другой интерес представляет возможность, используя идеи южной теории, сопоставить развитие социологии и ее исторические преобразования в разных частях света. Уже хотя бы в этом состоит интерес к идеям, изложенным в рамках южного социологического дискурса.

Именно такие минимальные задачи могут привлечь массового социологического читателя. Если вникнуть в вопрос притязаний южной теории на более серьезную роль, то за ним вскроется обширная история дискуссии. Углубляться в изучение всех исторических перипетий или нет, каждый должен решить самостоятельно.

Список литературы (References)

Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев? // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 14—20.

Burawoy M. (2009) Rejoinder: For a Subaltern Global Sociology? *Sociological Studies*. No. 4. P. 14—20. (In Russ.)

Губа К. «Merton College»: от концептуализации к эмпирической программе социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 130—145.

Guba K. (2015) “Merton College”: From Conceptualization to Empirical Program of Sociology of Sciences. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 18. No. 2. P. 130—145. (In Russ.)

Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. № 3. С. 256—276.

Merton R. K. (1993) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *THESIS*. No. 3. P. 256—276. (In Russ.)

Akiwowo A. A. (1986) Contributions to the Sociology of Knowledge from an African Oral Poetry. *International Sociology*. Vol. 1. No. 4. P. 343—358. <https://doi.org/10.1177/026858098600100401>.

Akiwowo A. (1999) Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument. *International Sociology*. Vol. 14. No. 2. P. 115—138. <https://doi.org/10.1177/0268580999014002001>.

Alatas S. F. (2014) Applying Ibn Khaldūn: The Recovery of a Lost Tradition in Sociology. New York, NY: Routledge.

Alatas S. F., Sinha V. (2017) *Sociological Theory Beyond the Canon*. London: Palgrave Macmillan UK.

Alatas S. H. (1979) Towards an Asian Social Science Tradition. *New Quest*. Vol. 17. P. 265—269.

Al-E Ahmad J. (1982) *Weststruckness = Gharbzadegi*. Lexington, KY: Mazda Publishers.

Amin S. (1989) *Eurocentrism*. New York, NY: New York Monthly Review Press.

Brandt W., Al-Hamad A. Y., Botero Montoya R. (1980) *North South: A Programme for Survival*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bhambra G., Medien K., Tilley L. (2020) Theory for a Global Age: From Nativism to Neoliberalism and Beyond. *Current Sociology*. Vol. 68. No. 2. P. 137—148. <https://doi.org/10.1177/0011392119886864>.

Burawoy M. (2011) The Last Positivist. *Contemporary Sociology*. Vol. 40. No. 4. P. 396—404. <https://doi.org/10.1177/0094306111412512a>.

Burawoy M. (2014) Introduction: Sociology as a Combat Sport. *Current Sociology*. Vol. 62. No. 2. P. 140—155. <https://doi.org/10.1177/0011392113514713>.

Cardoso F. (1977) The Consumption of Dependency Theory in the United States. *Latin American Research Review*. Vol. 12. No. 3. P. 7—24.

Cardoso F. H., Faletto E. (1979) *Dependency and Development in Latin America*. Los Angeles, CA: University of California Press.

Carles P. (2007) *La Sociologie Est un Sport de Combat: Pierre Bourdieu*. Montpellier: C-P Productions; Paris: VF Films.

Césaire A. (2001) *Discourse on Colonialism*. New York, NY: Monthly Review Press.

- Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collins R. (1997) A Sociological Guilt Trip: Comment on Connell. *American Journal of Sociology*. Vol. 102. No. 6. P. 1558—1564.
- Connell R. W. (1997) Why Is Classical Theory Classical? *American Journal of Sociology*. Vol. 102. No. 6. P. 1511—1557. <https://doi.org/10.1086/231125>.
- Connell R. W. (2005) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- Connell R. W. (2006) Northern Theory: The Political Geography of General Social Theory. *Theory and Society*. Vol. 35. No. 2. P. 237—264. <https://doi.org/10.1007/s11186-006-9004-y>.
- Connell R. W. (2007a) *Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge; Malden, MA: Polity.
- Connell R. W. (2007b) The Northern Theory of Globalization. *Sociological Theory*. Vol. 25. No. 4. P. 368—385. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2007.00314.x>.
- Connell R. W. (2013) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Connell R. W. (2014) Using Southern Theory: Decolonizing Social Thought in Theory, Research and Application. *Planning Theory*. Vol. 13. No. 2. P. 210—223. <https://doi.org/10.1177/1473095213499216>.
- Connell R. W. (2017) Southern Theory and World Universities. *Higher Education Research & Development*. Vol. 36. No. 1. P. 4—15. <https://doi.org/10.1080/07294360.2017.1252311>.
- Connell R. W. (2019). Canons and Colonies: The Global Trajectory of Sociology. *Estudos Históricos* (Rio de Janeiro). Vol. 32. No. 67. P. 349—367. <https://doi.org/10.1590/s2178-14942019000200002>.
- De Sousa Santos B. (ed.) (2007) *Another Knowledge is Possible: Beyond Northern Epistemologies*. London; New York: Verso.
- De Sousa Santos B. (2015) *Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide*. New York, NY: Routledge Taylor & Frances Group.
- De Sousa Santos B. (2018) *The End of the Cognitive Empire: The Coming of Age of Epistemologies of the South*. Durham: Duke University Press.
- Fanon F. (2007) *The Wretched of the Earth*. New York, NY: Grove Atlantic.
- Go J. (2020) Race, Empire, and Epistemic Exclusion: Or the Structures of Sociological Thought. *Sociological Theory*. Vol. 38. No. 2. P. 79—100. <https://doi.org/10.1177/0735275120926213>.
- Guha R. (1989) *Writings on South Asian History and Society: Subaltern Studies VI*. Delhi; New York: Oxford University Press.

- Hanafi S. (2020) Global Sociology Revisited: Toward New Directions. *Current Sociology*. Vol. 68. No. 1. P. 3—21. <https://doi.org/10.1177/0011392119869051>.
- Hountondji P.J. (1983) African Philosophy: Myth and Reality. London: Hutchinson.
- Mignolo W.D. (2009) The Idea of Latin America. Malden, MA; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing.
- Nkrumah K. (1965) Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism. London: Panaf.
- Patel S. (2020) Sociology's Encounter with the Decolonial: The Problematique of Indigenous VS That of Coloniality, Extraversion and Colonial Modernity. *Current Sociology*. Vol. 69. No. 3. P. 372—388. <https://doi.org/10.1177/0011392120931143>.
- Peace R. (2009) Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science — by R. Connell. *New Zealand Geographer*. Vol. 65. No. 1. P. 84—85.
- Rodney W., Davis A.Y. (2018) How Europe Underdeveloped Africa. London, New York: Verso.
- Shariati A. (1979) On the Sociology of Islam. Berkeley, CA: Mizan Press.
- Sztompka P. (2011) Another Sociological Utopia. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. Vol. 40. No. 4. P. 388—396. <https://doi.org/10.1177/0094306111412512>.
- Said E. (1978) Orientalism. London: Pantheon Books.
- Said E. (2006) Introduction to Orientalism. In: Morra J., Smith M. (eds.) *Visual Culture: Experiences in Visual Culture*. Vol. 4. Taylor & Francis. P. 119—125
- Spivak G.C. (1988) Can the Subaltern Speak? In: Nelson C., Grossberg L. (eds.) *Marxism and the Interpretation of Culture*. University of Illinois Press: Urbana. P. 271—313.
- Turner B.S. (1989) From Orientalism to Global Sociology. *Sociology*. Vol. 23. No. 4. P. 629—638. <https://doi.org/10.1177/0038038589023004007>.
- Wallerstein I. (1997) Eurocentrism and its Avatars: The Dilemmas of Social Science. *Sociological Bulletin*. Vol. 46. No. 1. P. 21—39. <https://doi.org/10.1177/0038022919970102>.
- Ward L.F. (1897) Dynamic Sociology: Or Applied Social Science, as Based Upon Statical and Less Complex Sciences. New York, NY: D. Appleton and Company.
- Zinn H., Arnove A. (2015) A People's History of the United States. New York, NY: Harper Perennial.